

ЭПОХА ОРМОН-ХАНА В КОНТЕКСТЕ ДИАЛОГА КУЛЬТУР

Любая человеческая жизнь короче, чем тот след, что оставляет иная личность в истории, дав имя эпохе, хотя разделение истории на какие-либо временные отрезки всегда спорно. Не случайно еще О. Шпенглер называл схему «Древний мир – Средние века – Новое время» невероятно скудной и лишенной смысла. Подтверждает то и азиатское несоответствие европейскому пониманию Средневековья как имеющего четкие временные границы и наполненного «феодальным» содержанием.

Сарыбагышский манап Ормон Ниязбек уулу (Ормон-хан) принадлежит к тем, кто не дожив до времени активного внедрения России в Кыргызстан, отразил своей деятельностью тот выбор путей идеологического и политического развития, над которым размышляла элита кыргызского общества. Важнейшей причиной для нее при выборе варианта присоединения Кыргызстана к Российской империи стало стремление преодолеть собственные междоусобицы и конфликты, отстаивая близкий части кыргызской элите (но не абсолютно всем) вариант идеологического обеспечения своей власти. По большому счету альянс был выгоден для двух сторон, где каждая преследовала свои прагматические цели. Присоединение к России открыло новый этап в истории региона, сохранила власть элиты и обеспечила гарантии сохранения места ислама в структуре обеспечения этой власти, а общероссийская культура стала тем коммуникационным полем, на котором происходил взаимообмен культур Запада и Востока. «Поле столкновения» этих миров было многослойным: в российской модели в то время господствовала идея верховенства государства над личностью; в западных цивилизационных ценностях – приоритет личности над обществом; в азиатском пространстве – абсолютно коллективное начало (род, семья, племя), закрепленное исламской религией.

XIX век, с которым и отождествляем эпоху Ормона, ознаменован активной фазой формирования кыргызского этнического самосознания, общенародного кыргызского языка (в многообразии диалектов) и соответственно единой этнокультуры. До сих пор фактически растворенная в общетюркской культуре, она приобретает черты самобытности, отличающие ее от культуры казахов, узбеков, уйгур, турок, туркмен и др. В то же время сохраняются внутрикыргызские не только региональные, но и локальные особенности, обусловленные патриархальным образом жизни и, прежде всего, родовыми отличиями. Например, Б. Аманалиев отмечал: «Вообще патриархально-феодальному устройству общественной жизни в Киргизии языческие верования соответствовали больше чем исламская религия, основанная на монотеизме». Соотношение языческих и мусульманских представлений в мировоззрении кыргызов было достаточно сложным. Очевидно, ни те, ни другие не заняли главенствующих позиций. Сложился своеобразный дуализм, который в массовом сознании едва ли фиксировался, а монотеистическая идея существовала параллельно политеистической. «Двоеверие», рождающее двойной стандарт поведения – по языческой и по мусульманской схеме, стало специфической чертой кыргызской культуры, присущей ей и в современный период.

Любая культура, в первую очередь, социальна (этнична, конфессиональна и т. д.); во-вторых – отражает ориентацию индивида и группы людей на определенную систему ценностей, выработанную эмпирически – методом проб и ошибок; в-третьих – обусловлена природой. Взаимосвязь природной среды Прииссыккуля (со всем набором присущих ей характеристик: ландшафтных, ресурсно-биологических, климатических, дислокационных) и локализованного на этой территории населения уже во многом исследованы, а для изучения происходивших здесь социальных процессов, необходимо проанализировать вопрос о месте личности в событиях эпохи, помня, что не всякое

общение и контакты можно назвать диалогом. Да и не все культуры и цивилизации способны к нему – иначе не погибли бы иные великие и древние цивилизации. Не считаем, что кочевой образ жизни можно назвать цивилизацией (иначе придется таковой считать и достаточно примитивный образ жизни рыбаков Крайнего Севера или собирателей диких плодов Австралии). Но вот эпоха Ормон-хана (и его личность) вполне заслуживают системного анализа в контексте активно проходившего в Центральной Азии в XX веке диалога культур Востока и Запада (при всей условности применяемых понятий). Анализ того или иного феномена культуры состоит в задаче выявления в том или ином событии, факте определенных норм, смыслов, ценностей, которые постоянно трансформируются, отражая изменение общественных представлений. Не стала исключением, в этом отношении, и ситуация вокруг вопроса о процессах присоединения Кыргызстана к России. В начале XIX в. взоры политиков Российской империи переместились с Запада на Восток, что, в принципе, в первую очередь, отвечало интересам отечественного капитала. В этом отношении Россия ничем не отличалась от других колониальных стран – Англии, Франции или Германии.

Можно долго спорить о том, что произошло с Кыргызстаном в XIX веке – было это добровольным вхождением, насильственным завоеванием или взаимовыгодным альянсом. Несомненно, что этот процесс был сложным, неоднозначным, противоречивым. Естественно, что и кыргызы участвовали в нем, исходя из задач, стоящих в том или ином регионе в соответствии с особенностями эпохи. Процесс присоединения был сложным уже потому, что желание правителей ряда кыргызских родов встать под защиту более могущественного соседа – России иногда сопрягалось с мечтой покончить с междоусобицей, и в этом отношении позиция подвластных манапам Боромбаю и Ормону родов не всегда совпадала с желанием правителей взять «верх» над противником. Так, объявление Ормона ханом приветствовалось не всеми кыргызскими родами.

Рассматривая историю региона и личность Ормона в контексте диалога культур, необходимо акцентировать внимание и на вопросе пересечения идеологий. Дело в том, что кыргызские баи и манапы, перейдя на службу царской России (где господствовало православие), очень активно поддерживали ислам: с его помощью можно было легче решить проблемы собственных отношений с основной массой сородичей, а в случае их больших и малых конфликтов с российской властью, ссылаться на нравы мусульман, как объясняющие и извиняющие особенности. Но ситуация с исламом среди кыргызов не тождественна той, что была характерна для некочевого населения, где более исламизированными были представители оседлых этносов – узбеки, таджики и др. Не случайно генерал-губернатор А. Вревский постановил: «Управление религиозными делами каракиргизов предоставляется сартскому мусульманскому духовенству», а Г. Загрязский отмечал: «Всякий киргиз, умеющий читать Алкоран, называется муллою» и «у киргиз муллы особого класса не составляют». Подтверждением слабой исламизации кочевых кыргызов служит, например, решение Ормона перенести на летние месяцы религиозный пост – ураза под предлогом, что зимний день короче летнего. Это обстоятельство тем более удивительно, что при Ормон-хане (как впрочем, и при других манапах) жили муллы - выходцы из Ташкента, Самарканда, Коканда. Тем не менее, авторитет мусульманских священнослужителей был высок, что отражалось в фольклоре: «Молдолордун барсын селделуу, оозунда шарип келмелуу» (Муллы пусть идут в чалмах со священным словом на устах).

Когда ученые исследуют обстоятельства, окружавшие личность, то признают, что это отражало его деятельность в составе определенных групп и общностей на конкретной территории, ее рефлексии в сознании, модель экономических, социальных, культурных связей, где индивидуальность, личностное восприятие окружающего мира занимали подчиненное положение. Важно отметить, что в тот период в представлении местных мусульман сложился единый религиозно-культурный универсум, где теократическая картина мира (Аллах – его создатель) не исключала и региональных особенностей, в т. ч. архаичных (т. е. до принятия ислама). О месте индивида в структуре уммы периода

Средних веков известно мало, т.к. источники упоминают только правителей и миссионеров. Отметим, что местная умма так и не стала и в Новое время обществом нового типа – это не является ее положительной или отрицательной характеристикой: различные культуры предполагают разное отношение к трансформации. Полагаем, что рациональное и иррациональное в исламской религии, находясь в определенном единстве, наложило отпечаток на многие формы культуры и ментальность той части населения Кыргызстана, что придерживалась ее норм и ценностей. Только в XIX веке с учетом того опыта среди местных мусульман появилась целая плеяда неординарных личностей, внесших значительный вклад в развитие культуры. Одним из них и был Ормон-хан.